

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Научная статья

УДК 94:711.4(571.621)

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗА БИРОБИДЖАНА В ПЕРИОД ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (1928–1942): ПЛАНЫ И РЕАЛИИ

К.К. Степанов

Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский
институт теории и истории архитектуры и градостроительства,
ул. Душинская 9, г. Москва, 111024,
e-mail: stepanovkk@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-3390-608X>

Биробиджанский проект освоения Приамурья стал одной из самых значимых государственных довоенных программ по колонизации прежде слабозаселенных пограничных территорий Дальневосточного края. Массовый приток переселенцев требовал повышенного внимания к планированию населенных мест в организованной в 1934 г. Еврейской автономной области, и в первую очередь центра ЕАО – Биробиджана. Создание с чистого листа столицы нового этнически обусловленного субъекта диктовало свои условия строительства города в культурном аспекте, его планировании и архитектуры. В тяжелых условиях лимитированного финансирования и снабжения материалами, значительной нехватки специалистов, а также в сложных климатических условиях Биробиджан, тем не менее, стремительно рос и к концу третьей пятилетки стал городом с населением в 30 тысяч человек, сформировавшим свой особенный архитектурный облик.

Настоящая статья делает попытку проанализировать особенности и проблемы формирования архитектурного образа столицы Еврейской автономной области на раннем этапе становления архитектурно-планировочной структуры города. Путем исследования первых проектов генерального плана Биробиджана и фактически построенных объектов в 1928–1942 гг. выявлены предполагаемые пути развития местной архитектуры, а также основные стилевые характеристики и особенности реализованной застройки. На основе корпуса архивных материалов и периодической печати 1930-х гг. предпринята попытка углубить знание о наиболее существенных процессах в области организации проектного и строительного дела в регионе, а также раскрыть основные причины неуспеха строительных планов первых пятилеток. Наряду с этим выявлены биографические данные ключевых архитекторов и инженеров, работающих в сфере проектирования, строительства и принятия решений по городскому хозяйству города, уточнены некоторые сведения о довоенном архитектурном наследии Биробиджана.

Ключевые слова: Биробиджан, Еврейская автономная область, архитектура первых пятилеток, организация проектирования, региональная архитектура.

Образец цитирования: Степанов К.К. Специфика формирования архитектурного образа Биробиджана в период первых пятилеток (1928–1942): планы и реалии // Региональные проблемы. 2023. Т. 26, № 4. С. 77–84. DOI: 10.31433/2618-9593-2023-26-4-77-84.

В отечественной истории архитектуры и градостроительства период первых трех пятилеток (1928–1942 гг.) занимает исключительное место. Форсированная индустриализация и освоение малоисследованных территорий вели к созданию новых промышленных центров, ускоренной урбанизации и, как следствие, к беспрецедентному масштабу строительства. Период творческих исканий

советских архитекторов эпохи НЭПа сменяется централизацией проектной деятельности первых пятилеток, созданием сначала целого ряда крупных столичных проектных институтов, а затем и региональных организаций. Дальневосточный край (ДВК) не остался в стороне от общесоюзных процессов – регион, особенно пострадавший от разрушительной Гражданской войны, нуждался

в значительных вложениях для восстановления своего народного хозяйства и дальнейшего развития, тем более в условиях своего пограничного положения. В показателях количества населения Дальний Восток вернулся к цифрам рубежа веков только к 1926 г., а за последующие десять лет, к 1936 г., население края выросло еще в 1,7 раза, до 2 481,2 тыс. человек [19, с. 61]. На этом фоне, пожалуй, самым ярким проектом колонизации Дальневосточного региона стал так называемый «Биробиджанский проект» переселения трудящихся евреев в Приамурье, закрепленный постановлением Президиума ЦИК СССР от 28 марта 1928 г.

Строительство центра образованной в 1934 г. Еврейской автономной области сопровождалось множеством сложностей и проблем, связанных с объективными причинами удаленности и малоизученности региона, а также с неготовностью местных властей принять мощный поток переселенцев и обеспечить всех жильем и приложением труда в кратчайшие сроки [2, с. 62]. Тем не менее, на протяжении 1930-х гг. город продолжал стремительно расти и довольно хаотично застраиваться, обретая черты с одной стороны «выставки жилищ различных народов мира» [22, с. 105], с другой – растущего социалистического города с архитектурой, «отвечающей социалистической эпохе» [18, с. 12].

Архитектурно-планировочное развитие Биробиджана до сих пор во многом остается малоисследованным, вопросы же организации проектной деятельности и стилиевые особенности довоенной застройки города практически не были затронуты вниманием исследователей. Таким образом, задачи данной статьи определяются в исследовании широкого круга аспектов строительной деятельности в Биробиджане в 1928–1942 гг., анализе архитектурного и градостроительного наследия города.

С момента принятия официального решения о заселении Приамурья от 28 марта 1928 г. до прибытия первого состава с переселенцами прошло чуть более месяца. Форсированно создавались органы местного самоуправления, первые артели, призванные снабдить приезжающих базовыми стройматериалами и рабочими местами. Однако, все эти усилия не могли обеспечить необходимую скорость колонизации. На первом этапе планы по дорожному и жилищному строительству были выполнены только на 10–35% [2, с. 65]. Ситуация с возведением жилья даже в официальных документах значилась как «катастрофическая» [14, с. 3]. Средняя жилая площадь на биробиджанца первой половины 1930-х гг. не превышала 3–3,5 м²

на человека при норме в 6 [16, с. 235]. Неудачи в выполнении государственной программы открывали, с другой стороны, особые возможности в индивидуальном строительстве, только поощряемом местными властями. Подобный подход к решению жилищного кризиса был скорее вынужденным и противоречил базовым установкам советского градостроительства тех лет, направленных на переход от индивидуальной малоэтажной к многоквартирной коммунальной застройке [9, с. 72]. Архитектурного надзора, строгой стандартизации и тем более планового проектирования не существовало; ситуация с дефицитом строительных материалов увеличивала сферу применения базового сырья – песка, соломы, камыша, глины. Ханнес Майер, автор проекта первого генерального плана Биробиджана, по итогам своей поездки на место строительства в 1933 г. вспоминал: «местные стройматериалы преобразовывались в руке жителя согласно его происхождения в процессе индивидуального или коллективного строительства в блочный дом латышского или белорусского еврея, в беленую глинобитную мазанку украинского еврея или в двухэтажную кирпичную постройку еврея из немецкого рейха» [22, с. 105]. Майер также отмечал наличие в Биробиджане образца 1933 г. «корейских домов, сплетенных из сучьев и веток» [22, с. 105] и построек «американской конструкции» [22, с. 103] (рис. 1).

Стилевая пестрота индивидуальной застройки компенсировалась первыми глинобитными и деревянными домами, построенными по

Рис. 1. Домик переселенца Зильбермана, первая половина 1930-х гг.

Fig. 1. Zilberman the settler house, first half of 1930s.

типовым проектам, в первую очередь это были проекты Центрожилсоюза. Завод стандартного домостроения Центрального союза жилищной кооперации РСФСР начал работать в Биробиджане в конце 1932 г., став частью первой волны промышленных предприятий, направленных на развитие строительной индустрии (в 1930–1932 гг. были построены Биробиджанский фибролитовый завод, Бирский и Бираканский лесозаводы, первая очередь известкового завода в Лондоко). Рубеж 1932–1933 гг. во многом стал поворотным моментом в истории архитектуры города. После нескольких лет ситуативной хаотичной застройки в регуляторных целях местные власти постановляют организовать отдел коммунального хозяйства при городском совете, «мобилизовать рабочую общественность вокруг кооперативного жилищного строительства», а также «ходатайствовать о содействии в посылке специалистов для разработки на месте плана города Биробиджана» [13, с. 4]. С принятием последнего решения начинается история создания генеральных планов города, продлившаяся все предвоенное десятилетие, но так и не закончившаяся утвержденным проектом детальной планировки. Заказ на его выполнение передавался от московского Гипрогора (1933–1934, руководитель Х. Майер) к Дальгипрогору в Хабаровске (1935–1937, Н.А. Орлов, А.С. Мухин), затем снова в Гипрогор, уже в его ленинградское отделение (1937–1939, руководитель Д.М. Пиллер). Каждый из авторов намечал единственно возможным развитием города перенос его основных административных и жилых площадей на противоположный берег реки Биры; здесь должны были быть построены новые кварталы кирпичных домов разной этажности, разбит центральный парк культуры и отдыха, обустроен административный центр [8, с. 83–87; 17]. На деле же в 1930-е гг. перенос города на другой берег был совершенно отдаленной перспективой, а после того как самые выгодные земли правобережья были заняты военным ведомством, от этой идеи пришлось на долгое время и вовсе отказаться.

Территория же «старого города» продолжала активно застраиваться, вокруг новых промышленных центров (обозный завод, фабрика «Деталь» и т.д.) строились свои небольшие рабочие поселки. Административным же центром города наметился квартал между улицами Горького, Постышева (Ленина) и Партизанской (Шолом-Алейхема), в 1933–1934 гг. здесь были построены первые капитальные общественные и административные здания – Еврейский театр и Дом Советов.

В стилевом отношении архитектура первых капитальных зданий сохраняла черты авангардных направлений: монолитность объемов, плоские, лишённые декора стены, большая площадь остекления (функционально необоснованная в местном климате); однако главные фасады и Дома Советов, и Еврейского театра композиционно классические – они симметричны, с четко выраженными центральными ризалитами и разделением по этажам. Примат главного фасада, играющего роль своего рода ширмы, был также присущ архитектуре периода обращения к историческому наследию [15]. Отмечая эту особенность, то есть противопоставление главного и дворового фасадов, писатель Э.Г. Казакевич, который был идейным вдохновителем, бригадиром строительства и, возможно, даже автором проекта Еврейского театра, называл это здание «дворцом-сараем» [20, с. 15] (рис. 2). В здании Дома Советов «классичность» также подчеркивалась ритмом дентикул под карнизом и устройством своеобразного зиккура, венчающего центральный ризалит. Этот элемент, вероятно, был отсылкой к древнему зодчеству Ближнего Востока, Земли обетованной, то есть попыткой внедрения национальных черт в общественную архитектуру города. Поиском национального стиля можно назвать также декор здания железнодорожного вокзала, построенного в 1934–1936 гг. по проекту московского проектного бюро Народного комиссариата путей сообщения (архитектор Г.К. Агапьев). Сохраняя в общих формах черты монументального постконструктивизма, в некоторых элементах фасада авторы стремились передать особенности национального состава мо-

Рис. 2. Здание Государственного еврейского театра имени Л.М. Кагановича

Fig. 2. State Jewish theater named after L.M. Kaganovich

лодой области. Капители пилястр главного фасада были выполнены вручную и изображали нехарактерную для архитектуры этого периода самобытную флористическую композицию. Продолжая этот мотив, выполнялись и интерьеры главных залов вокзала. Здесь широко применялась мозаика, «по специальным проектам изготовлялась обстановка и мебель» [3], изящные резные деревянные колонны зала ожидания были центром композиции всего пространства (рис. 3, 4).

Тем не менее, единого представления о том, какой же должна быть национальная по форме, но социалистическая по содержанию архитектура Биробиджана, не было. Московский архитектор И.И. Федоров, представитель Наркомхоза РСФСР, выполнивший поездку на Дальний Восток осенью 1936 г. для консультаций и проверки хода выполнения и реализации генеральных планов городов ДВК, в своем отчете прямо отмечал необходимость «организации творческой консультации со стороны центральных архитекторов и художников в отношении поисков архитектурного стиля еврейских населенных пунктов» [5, с. 78–79].

Создание при городском совете отдела коммунального хозяйства, проектной мастерской при нем, а также некоторые успехи в укреплении базы строительных материалов позволили увеличить масштабы капитальной застройки. Однако, в поисках решения жилищного кризиса творческие вопросы отодвигались на второй план. Основой застройки 1930-х гг. оставалась типовая архитектура по линии различных ведомств: от народного комиссариата просвещения были построены несколько школ, от наркомата здравоохранения – здание больницы, по проектам комиссариата путей сообщения возводились двухэтажные типовые деревянные дома для работников железной дороги и т.д. Масштабное по местным меркам строительство велось силами местных строительных организаций: Кустжилстроя, стройконторы переселенческого отдела НКВД, треста Биробиджанстрой [18, с. 1]. Каждая из контор имела в своем составе инженерно-технических работников, занимавшихся привязкой типовых проектов к местным условиям и руководящих строительством ключевых объектов. Все они были выпускниками технических вузов из европейской части СССР (например, руководитель многих биробиджанских строек и председатель технико-экспертного совета З.М. Крайц был выпускником Харьковского инженерно-строительного института, главный инженер Биробиджанстроя Н.С. Шерман – Ленинградского индустриального института, ра-

*Рис. 3. Деталь интерьера вокзала.
Резная колонна, 1937 г.*

Fig. 3. Detail of the interior of the railway station. Carved column, 1937

Рис. 4. Кассовый зал вокзала, 1937 г.

Fig. 4. Ticket hall of the Birobidzhan railway station, 1937

ботавший в отделе гражданского строительства НКВД инженер-архитектор П.Е. Аппак окончил Петроградский институт гражданских инженеров). З.М. Крайц, Н.С. Шерман, Ф.Н. Теличкин курировали крупнейшие общественные стройки 1936–1941 гг.: здание библиотеки (1936–1940), педагогического института (1937–1938), школы № 1 (1935–1936), школ № 9 и № 10 (1938–1940) и др. Для обеспечения строек проектно-сметными материалами при отделе коммунального хозяйства города в 1934 г. была организована проектная мастерская, которая к 1936 г. уже насчитывала 14 сотрудников. В течение нескольких лет мастерской руководил архитектор А.С. Савенков, окончивший Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (ЛИИКС) в 1933 г. Авторству молодого архитектора принадлежит здание гостиницы «Биробиджан» (1936–1938), 32-квартирный дом специалистов (1936–1938), двухэтажные 12-квартирные дома горкомхоза, деревянный летний театр в парке культуры и отдыха и многие другие (рис. 5).

В стилевом отношении постройки второй половины 1930-х гг. были характерными образцами упрощенной провинциальной классики, в которых широко применялись лишь те элементы, которые не требовали больших затрат: часто сдвоенные, в один кирпич, лопатки и пилястры, ярко выраженный цоколь; по сравнению с примерами первой половины 1930-х гг. заметно сократилась площадь остекления. Архитектура этого периода лишена всякого намека на поиск национального стиля, а с начавшимся процессом вытеснения индивидуальной застройки образ города становился все более типологически единообразным (рис. 6).

Рис. 6. Строительство стандартных жилых домов по улице Постышева (Ленина) в середине 1930-х гг.

Fig. 6. Standard residential buildings along the Postysheva (Lenin) street in the mid-1930s

Таким образом, подводя итоги исследованию довоенной архитектуры Биробиджана, можно сделать следующие выводы:

1. В застройке города наблюдалось существенное различие планируемого и реализованного. Генеральные планы, выполненные в 1930-е гг. в Москве и Ленинграде, не играли роли дорожной карты, по которой город смог бы развиваться. Это случилось вследствие множества факторов, важнейшим из которых представляется неготовность властей (и местных, и центральных) к стремительному заселению региона и форсированной индустриализации – в руководящих структурах не было консенсуса ни по количеству проектного населе-

Рис. 5. Здание гостиницы Биробиджан (1936–1938, архитектор А.С. Савенков). Реконструкция исторического фасада – Степанов К.К.

Fig. 5. Hotel “Birobidzhan” (1936–1938, architect Aleksei Savenkov). Reconstruction of the historical facade – Kirill Stepanov

ния, ни по номенклатуре индустриальной базы в условиях крайне малоисследованного региона. В центре проектировались только ключевые объекты, такие как, например, обозный завод (1932–1934) или комплекс ТЭЦ (1936–1947). Решения же по жилой и общественной застройке зачастую принимались здесь и сейчас – стройка велась местными силами в условиях острой нехватки строительных материалов и специалистов всех уровней.

2. В заявленном властью процессе создания национальной культуры и архитектуры, в частности, отмечалась дихотомия коллективного и частного. Хаотичность индивидуальной застройки порождала многообразие и характерность сложного национального региона, упорядоченность же типовой государственной архитектуры уравнивала и обезличивала, разрушая эту уникальность. Другими словами, несмотря на всесоюзный статус биробиджанского проекта, запрос на создание собственной национальной по форме и социалистической по содержанию культуры шел скорее снизу. Как отмечал Х. Майер: «В бытность нашу в Биробиджане в 1933 г. нам пришлось слышать со стороны общественного актива неоднократные указания на то, что Биробиджан должен возглавить еврейское культурно-национальное развитие в СССР вообще» [10, с. 33]. Руководство в это же время было гораздо больше обеспокоено практическими вопросами завершения строительства промышленных предприятий и решения острого жилищного кризиса [11, с. 6]. В подобной ситуации вопросы поиска национальной архитектуры не могли быть приоритетными, вместе с тем никаких «творческих консультаций со стороны центральных архитекторов», о которых говорил И.И. Федоров, так и не было организовано.

3. В отличие от крупных городов-новостроек СССР, созданных с нуля (Магнитогорск, Сталинск (Кузнецк), Комсомольск-на-Амуре), в Биробиджане градоформирующими предприятиями не были заводы тяжелой промышленности. Как следствие, в городе не было сформировано разрозненных центров и крупных рабочих поселков при них, а многие промышленные объекты включались в общую застройку города и размещались на центральных улицах города. Это влияло на внешний вид зданий этого типа, например, главный корпус типографии (1935–1938), расположенный на центральной улице города, был согласован в объемах и деталях с соседними зданиями библиотеки и Дома Советов, а главный фасад хлебозавода (1938–1940) получил ярко выраженные пилястры и детально разработанный карниз (рис. 7).

Рис. 7. Здание хлебозавода в Биробиджане (1938–1940)

Fig. 7. Bakery factory building in Birobidzhan (1938–1940)

В заключение следует отметить, что настоящая работа рассматривает лишь некоторые из аспектов формирования архитектурного образа Биробиджана в период 1928–1942 гг. Однако, при изучении уже имеющихся материалов были выявлены основные направления развития архитектурно-планировочной структуры города и определены принципы и факторы формирования собственного архитектурного стиля столицы ЕАО.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся в более детальном изучении исторической литературы, архивных материалов, посвященных архитектуре Биробиджана, исследовании фотоматериалов и других источников. С выполнением графических реконструкций архитектурного и градостроительного наследия, уточнения данных по отдельным постройкам и их авторам, а также при дальнейшем исследовании теоретических вопросов организации проектирования и строительства в ЕАО довоенного времени станет возможным раскрытие малоизученной на сегодня темы становления архитектурного облика города на первых этапах своей истории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бренер И.С. Биробиджанский проект в научных исследованиях / И.С. Бренер, А.В. Зарамба. Киев: Золотые ворота, 2013. 632 с.
2. Вайсерман Д.И. Как это было? ЕАО 1928–1938 гг. Биробиджан, 1993. 233 с.
3. Ганопольский И. Вокзал построен // Биробиджанская звезда. 1936. № 3 (441). С. 3.
4. Гуревич В.С. Еврейская автономная область: История административного устройства в кар-

- тах, документах и фотографиях. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2019. 117 с.
5. Дело о планировке городов Дальневосточного края (Биробиджан, Владивосток, Советская Гавань, Хабаровск). Т. 2, 1936 // ГАРФ. Ф.А-314. Оп. 1. Д. 8039.
 6. Документы о развитии промышленности Биробиджанского района, 1931-1932 // ГАЕАО. Ф.Р-186. Оп. 2. Д. 6.
 7. Документы по планировке нового г. Биробиджана, 1933 // ГАЕАО. Ф.Р-186. Оп. 2. Д. 33.
 8. Коньшева Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М.: БуксМАрт, 2017. 360 с.
 9. Меерович М.Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 352 с.
 10. Переписка о плане коммунального и жилищного строительства города Биробиджана, 1933 // ГАРФ. Ф.Р-7541. Оп. 1. Д. 659.
 11. Проект планировки города Биробиджана, 1934-1935 // ГАРФ. Ф.А-259. Оп. 20. Д. 108.
 12. Протокол совещания при Далькрайплане по рассмотрению титульных списков строительства и капвложения в народное хозяйство ЕАО с приложениями, 1936 // ГАЕАО. Ф.Р-75. Оп. 1. Д. 73.
 13. Протоколы, резолюции к ним, и переписка о планировании и строительстве города Биробиджана, 1932-1933 // ГАЕАО. Ф.Р-3. Оп. 1. Д. 144.
 14. Сведения о рабочем поселке Биробиджан, 1932 // ГАЕАО. Ф.Р-145. Оп. 1. Д. 1.
 15. Советское градостроительство. 1917–1941 / под ред. Ю.Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 820 с.
 16. Справки о развитии промышленности, народного образования и строительства, 1931-1934 // ГАЕАО. Ф.Р-3. Оп. 1. Д. 235.
 17. Степанов К.К. Генеральный план г. Биробиджана как часть наследия Баухаус в России: особенности и проблемы реализации // XXX Алпатовские чтения. Баухаус в контексте мирового зодчества. М., 2020. С. 249–260.
 18. Титульный список строительства, 1937 // ГАЕАО. Ф.Р-145. Оп. 1. Д. 19.
 19. Ткачева Г.А. Динамика численности и состава населения Дальнего Востока в 1941–1945 гг. // Ойкумена. 2007. №1. С. 60–74.
 20. Улицы города Биробиджана: по документам государственного архива ЕАО / сост. И.А. Жирнова и др.; отв. ред. В.П. Шулятиков. Биробиджан: Изд. дом «Биробиджан», 2012. 194 с.
 21. Хмельницкий Д. Здоровье барачного города // Проект Байкал. 2019. № 60. С. 70–74.
 22. Kotlerman B.B. Bauhaus in Birobidzhan. 80 years of Jewish settlement in the Far East of the USSR / B.B. Kotlerman, S. Yavin. Tel Aviv: Bauhaus Center Tel Aviv, 2015.

REFERENCES

1. Brener I.S. *Birobidzhanskii projekt v nauchnykh issledovaniyakh* (Birobidzhan project in scientific research), I.S. Brener, A.V. Zaramba. Kiev: Zolotyevorota Publ., 2013. 632 p. (In Russ.).
2. Vaiserman D.I. *Kak eto bylo? EAO 1928–1938 gg.* (How was it? Jewish Autonomous Region in 1928-1938). Birobidzhan, 1993. 233 p. (In Russ.).
3. Ganopol'skii I. The railway station has been built. *Birobidzhanskaya zvezda*, 1936, no. 3 (441), p. 3. (In Russ.).
4. Gurevich V.S. *Evreiskaya Avtonomnaya Oblast': Istoriya administrativnogo ustroystva v kartakh, dokumentakh i fotografiyakh* (Jewish Autonomous Region: History of the administrative structure in maps, documents and photographs). Birobidzhan: ICARP FEB RAS, 2019. 117 p. (In Russ.).
5. The case of the planning of cities in the Far Eastern Territory (Birobidzhan, Vladivostok, Sovetskaya Gavan, Khabarovsk), vol. 2, 1936. *GARF*, f.a-314, op. 1, d. 8039. (In Russ.).
6. Documents on the development of industry in the Birobidzhan region, 1931-1932. *GAEAO*, f.r-186, op. 2, d. 6. (In Russ.).
7. Documents on the planning of the new city of Birobidzhan, 1933. *GAEAO*, f.r-186, op. 2, d. 33. (In Russ.).
8. Konysheva E.V. *Evropeiskie arkhitektory v sovetskom gradostroitel'stve epokhi pervykh pyatiletok. Dokumenty i materialy* (European architects in Soviet urban planning of the first five-year plans era. Documents and materials). Moscow: BukSMArt Publ., 2017. 360 p. (In Russ.).
9. Meerovich M.G. *Gradostroitel'naya politika v SSSR (1917–1929). Ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku* (Urban planning policy in the USSR (1917–1929). From the garden city to the departmental workers' village). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 352 p. (In Russ.).
10. Correspondence on the plan of communal and housing construction of the city of Birobidzhan, 1933. *GARF*, f.r-7541, op. 1, d. 659. (In Russ.).

11. Draft planning of the city of Birobidzhan, 1934-1935. *GARF*, f.a-259, op. 20, d. 108. (In Russ.).
12. Minutes of the meeting at the Dalkrayplan for the consideration of title lists of construction and capital investment in the national economy of the EAO with appendices, 1936. *GAEAO*, f.r-75, op. 1, d. 73. (In Russ.).
13. Protocols, resolutions to them, and correspondence on the planning and construction of the city of Birobidzhan, 1932-1933. *GAEAO*, f.r-3, op. 1, d. 144. (In Russ.).
14. Information about the Birobidzhan work settlement, 1932. *GAEAO*, f.r-145, op. 1, d. 1. (In Russ.).
15. *Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917-1941* (Soviet urban planning. 1917-1941), Yu.L. Kosenkova, Ed. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2018. 820 p. (In Russ.).
16. Information on the development of industry, public education and construction, 1931-1934. *GAEAO*, f.r-3, op. 1, d. 235. (In Russ.).
17. Stepanov K.K. The general city plan of Birobidzhan as part of the Bauhaus heritage in Russia: specific features and problems of implementation, in *XXX Alpatovskie chteniya. Bauhaus v kontekste mirovogo zodchestva* (XXX Alpatov Readings: Bauhaus in the Context of World Architecture). Moscow, 2020, pp. 249-260. (In Russ.).
18. Title list of construction, 1937. *GAEAO*, f.r-145, op. 1, d. 19. (In Russ.).
19. Tkacheva G.A. Dynamics of the number and composition of the population of the Far East in 1941-1945. *Oikumena*, 2007, no. 1, pp. 60-74. (In Russ.).
20. *Ulitsy goroda Birobidzhana: po dokumentam gosudarstvennogo arkhiva EAO* (Streets of the Birobidzhan city according to documents from the state archive of the Jewish Autonomous Region), I.A. Zhirmova, Comp.; V.P. Shulyatkov, Ed. Birobidzhan: Birobidzhan Publishing House, 2012. 194 p. (In Russ.).
21. Khmel'nitskii D. The health of the barracks city. *Proekt Baikal*, 2019, no. 60, pp. 70-74. (In Russ.).
22. Kotlerman B.B. *Bauhaus in Birobidzhan. 80 years of Jewish settlement in the Far East of the USSR*, B.B. Kotlerman, S. Yavin. Tel Aviv: Bauhaus Center Tel Aviv, 2015.

SPECIFICS OF THE BIROBIDZHAN ARCHITECTURAL IMAGE FORMATION (1928-1942): IDEAS AND REALITY

K.K.Stepanov

The so-called "Birobidzhan project" of the Amur region settling became one of the most significant pre-war state programs for the colonization of the sparsely populated border territories of the Russian Far East. The massive influx of settlers demanded increased attention to new settlements planning at the Jewish Autonomous region (organized in 1934), and primarily to its capital Birobidzhan. Building of the town, aimed to be the centre of a new ethnically determined subject from scratch, dictated specific conditions in the cultural aspect, urban planning and architecture.

Thus, the present article makes an attempt to analyze the formation specifics of its planning structure. Having studied the first projects of the town's master plan and objects built in 1928-1942, the author defined directions of the local architecture development, its characteristics and features. The corpus of the 1930s archival materials allows us deepen our knowledge of the most significant processes in the regional design management and construction. The article also aims to reveal the reasons for the eventual failure of the initial architectural ideas. Along with this, the author provides the biographical data of key architects and engineers working in the field of design, construction and the town's urban economy decision-making. Clarifications have been made regarding the pre-war architectural heritage of Birobidzhan.

Keywords: *Birobidzhan, Jewish Autonomous region, architecture of the first five-year plans, design organization, regional architecture.*

Reference: Stepanov K.K. Specifics of the Birobidzhan architectural image formation (1928-1942): ideas and reality. *Regional'nye problemy*, 2023, vol. 26, no. 4, pp. 77-84. (In Russ.). DOI: 10.31433/2618-9593-2023-26-4-77-84.

Поступила в редакцию 15.11.2023

Принята к публикации 18.12.2023